

УДК 947.04

ЧИН ВЕНЧАНИЯ НА ЦАРСТВО В ПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Скрипкина Е.В.

Филиал ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского», Омск, e-mail: evs705@rambler.ru

Чин венчания на царство (чин коронации) в презентации царской власти занимал первостепенное значение. Чин/обряд венчания на царство русских государей развивался параллельно с развитием идеи царской власти. Несмотря на то, что чин коронования московских государей испытывал влияние византийского коронационного чина, он не уподобился последнему и русский царь не был поставлен на высоту Византийского императора. В основу коронационного чина царя Алексея Михайловича (28 сентября 1645 г.) был положен чин венчания Михаила Федоровича с некоторыми добавлениями. Обряд заметно распадается на три основные части, символизирующие основные этапы развития царской власти: коронацию, миропомазание и причащение. Посредством чина венчания царь приобретает не только благодать на управление государством, но и становится охранителем догматов Православной Церкви. Эта обязанность является одной из составляющей обязанностей государя как церковного чина, в который он вступает через рукоположение и Таинство Миропомазания.

Ключевые слова: чин венчания на царство, царь Алексей Михайлович

THE RITE OF CORONATION IN PRESENTATIONS OF TSAR ALEXEI MIKHAILOVICH AUTHORITY

Skripkina E.V.

Omsk Branch Moscow K.G. Razumovsky State University of Technology and Management, Omsk, e-mail: evs705@rambler.ru

The Rite of coronation in the presentation of royal power held paramount. The coronation rite of Russian rulers developed in parallel with development of the idea of royal power. Despite of the fact that the rite of coronation of Moscow rulers was influenced by Byzantine coronation rank, it did not become like the latter, and the Russian tsar was not raised to the height of the Byzantine emperor. The coronation rank of Tsar Alexei Mikhailovich (28 September 1645) was based on the rank of Mikhail Fedorovich wedding with some additions. Rite markedly is divided into three main parts, symbolizing the main stages of development of royal power: the coronation, the anointing and the communion. Through the marriage celebration the tsar acquires not only the grace to administer, but also becomes a guardian of the Orthodox Church dogmas. This duty is one of the constituent sovereign responsibilities as a church rank, in which he enters through the ordination and the Sacrament of Confirmation.

Keywords: coronation rite, Tsar Alexei Mikhailovich

Анализ взаимоотношений светской и церковной властей второй половины XVII в. позволяет представить данную проблему в нескольких аспектах. Одним из таких направлений является рассмотрение проблемы «священства» и «царства» через призму обряда или церемоний. Власть и церемонии были неотделимы друг от друга. Посредством церемоний, или церемониальных шествий, на которых государь представлялся перед своими подданными в полном блеске и величии, шлифовался образ идеального правителя.

Венчание на царство (чин коронации) в презентации царской власти занимал первостепенное значение. В нем наиболее полно выразились ключевые аспекты верховной власти. Венчание носило сакральный характер и наделяло государя сверхъестественной силой, придавая его власти некую магию.

Чин/обряд венчания на царство русских государей развивался параллельно с развитием идеи царской власти. Несмотря на то, что чин коронования московских государей испытывал влияние Византийского корона-

ционного чина, он не уподобился последнему и русский царь не был поставлен на высоту византийского императора. Профессор М.В. Зызыкин выделил ряд отличий в чине венчания византийских и московских монархов, в основе которых лежит различное понимание в соотношении духовной и светской властей [2, с. 165–166; 4, с. 154–156].

Следует отметить, что инициатива коронации русских государей принадлежала великим князьям и царям. Им же принадлежала ведущая роль и на самой церемонии. Церковь своим духовным авторитетом освящала правомочность власти русских государей и подтверждала наиболее общие санкции царской власти. В этом плане Алексей Михайлович не исключение.

В основу коронационного чина царя Алексея Михайловича (28 сентября 1645 г.) был положен чин венчания Михаила Федоровича с некоторыми добавлениями. Как отмечает А.П. Богданов, чин Алексея Михайловича стал классическим образцом традиции, которая была заложена в Пространной редакции чина Ивана Грозного,

и не столько менявшейся, сколько шлифованной его преемниками. Церемония венчания Алексея Михайловича была строго регламентирована и детально расписана. В частности, были поименно указаны все участники действия, не только светские, но и церковные. Предусматривалось, как будет оформлено место действия и одежда участников церемонии. В ектении звучали имена всех членов царской семьи. Подробнее стало и описание молебнов в Архангельском и Благовещенском соборах и даже традиционного расхищения народом червлёных сукон с царского места [1, с. 219].

Накануне церемонии по распоряжению Алексея Михайловича патриарх Иосиф с духовенством в Успенском соборе и по всем монастырям и церквям «пети всеобщее и праздновати... Живоначальной Троице и московским чудотворцам и преподобному Сергию». В Успенском же соборе готовилось царское место: посреди собора – аналой, украшенный паволокою, на котором должны были разместиться святой животворящий крест, святые бармы и царский венец; чертожное место с 12 ступенями, которое «оболокли драгим червлёным сукном»; царский престол – место «персичкое золото с камнем». Рядом ставили стул для патриарха, который сидел рядом с государем во время венчания, а не обособлялся от него. По обе стороны чертожного места разместили скамьи для духовных властей. Внешне церемония венчания Алексея Михайловича устраивалась так же, как в бывших прежде чинах царских венчаний.

Для начала церемонии недоставало символических коронационных регалий, которыми мог распоряжаться лишь их носитель – царь. Это четко отражено в чине: по распоряжению государя с Казенного двора боярином В.И. Стрешневым, казначеем Богданом Дубровским и благовещенским протопопом Стефаном Вонифатьевым (духовником царя) принесены царские инсигнии и животворящий крест, под которые на трех аналоях были подготовлены места.

По принесении монарших регалий боярин Л.С. Стрешнев подносит их царю для лобызания. Государь «приложился к животворящему древу», и в этот момент царский духовник Стефан Вонифатьев говорит: «Достойно есть», что означало символическое подтверждение Церковью именем Божиим благословения царствующей особы. Не случайно, что «Достойно есть» провозглашал именно царский духовник, «ведающий» душой государя как личности и, таким образом, подтверждал ее достоинство.

После этого начинался «поход» в Успенский собор. Царские инсигнии в собор нес

Стефан Вонифатьев, которые встречал патриарх Иосиф со всем духовенством, а принимали от протопопа митрополит ростовский и ярославский Варлаам и архиепископ вологодский Маркел, а уже патриарх возлагал их на аналой в соборе. При символах царства оставались сопровождавшие их светские лица – В.И. Стрешнев и Богдан Дубровский.

О полной готовности к обряду докладывал царю боярин В.П. Шереметев, и лишь после этого государь направлялся в соборную церковь. Стефан Вонифатьев шел перед Алексеем Михайловичем в одной епитрахили и окроплял святой водой весь царский путь до церкви. Место каждого участника процессии было четко расписано. Чтобы удача сопутствовала царствию и царству, никто не мог пресекать путь государю.

Вход царя в церковь сопровождался по обычаю «многолетьем государю». Далее государь первым прикладывался к образам и святыням. Затем царь подходил к патриаршему месту за благословением патриарха. После патриаршего благословения по повелению патриарха начинался молебен «святой и живоначальной Троице и Пресвятей Богородице, да Петру митрополиту, московскому чудотворцу, и преподобному отцу нашему Сергию». По совершении молебна государь и Патриарх становились на чертожное место и садились на уготованных им местах. Чертожное место окружали придворные в соответствии с чином (по правую сторону) и духовенство (по левую сторону). Далее следовал очень важный момент. Церемония предусматривала детально расписанные речи царя и патриарха. В подготовленной речи государя значительное внимание уделялось факту преемственности власти Романовых от Рюриковичей и законности наследственных прав Алексея Михайловича на престол: «Егда же изволением Божиим приближися кончина времени святого живота его (Михаила Федоровича – Е.С.), и тогда нас, сына своего Царевича и Великаго Князя Алексея Михайловича, благословил царством и великим княжеством Владимирским, и Московским, и Новгородским, и царствы Казанским и Астраханским и Сибирским, хоругви правления скифетра всея Великия России, и велел нам на то царство и великое княжество помазатися и венчатися царским венцем и диадимом...» [3, с. 13–14].

Факт преемственности власти, звучащий лейтмотивом во время коронационной речи Алексея Михайловича, равно как и в последующей ответной речи патриарха Иосифа, свидетельствует о том, что и самого государя и его окружение волновала проблема

обоснованности прав на престол. И церемония коронации, самая важная и торжественная из церковно-государственных церемоний – хорошая возможность озвучить идею происхождения царской освященной власти от Августа-кесаря и династической традиции Рюриковичей.

Затем в чине следует ответная речь патриарха Иосифа о воцарении Алексея Михайловича и его мессианской роли православного царя: «...воспрославит и распространит Бог от моря до моря и от рек до конец вселенных, и расточенная – во благочестивое ваше царство возвратит и соберет во едино, и на первообразное и радостное возведет, во еже быти вам, Государю, на вселенной Царю и Самодержцу христианскому, и возсияти яко солнцу посреди звезд...» [3, с. 18]. Здесь патриарх Иосиф не только представлял Алексея Михайловича как вселенского православного государя, но и, уподобляя царя солнцу, первосвященник возвышал авторитет цесаря.

Далее в чине идет описание самой коронации. Сначала на Алексея Михайловича возлагался царский крест, который торжественно передавался духовными лицами из рук в руки: митрополит крутицкий Серапион и архиепископ вологодский Маркел принесли крест «на златом блюде». Крест приняли митрополиты – новгородский Авфоний и ростовский Варлаам и передавали его патриарху, который, поклонясь и трижды поцеловав крест, возложил на Алексея Михайловича. Таким образом, крест словно проходил по всем ступеням «священства», подчеркивая всецерковное освящение царского креста.

Следующим моментом коронации было возложение патриархом Иосифом святых барм и царского венца. Эти инсигнии власти также проходили через ступени «священства» – архимандритов, игуменов, архиепископов, митрополитов. Патриарх рукою царский венец, благословлял государя крестом и возлагал на него корону. Затем Алексей Михайлович был возведен патриархом на царское место, где и вручил ему скипетр и державу. В заключении коронации Алексей Михайлович получал благословение от всего высшего духовенства, включая патриарха, и вновь садился на царское место. Завершалась церемония многократным многолетием государю, после которого духовенство и все присутствующие в соборе поздравляли государя. Патриарх Иосиф произнес царю поучительное слово, в котором наставлял Алексея Михайловича в том числе: «имей страх Божий в сердцах и сохрани веру нашу истинную, православную, христианскую греческого закона, чисту и

непорочну, и непоколебиму, и соблюди царство свое чисто и непорочно, якоже ныне приял еси от Бога, и люби правду и милость и суд правый...» [3, с. 25]. Поучительное слово, которое произносит патриарх, высшее духовное лицо, имеет свое символическое значение. Царь становится в Церкви в положение поучаемого со стороны первосвященника, который наставляет главу государства, как надо царствовать. Патриарх Иосиф в своем наставлении показывает, что царствование Алексея Михайловича должно включать в себя папство, к которому он призывается лицом, в духовном отношении стоящим выше его. В обязанность государю патриарх вменяет обязанность быть стражем и хранителем Православия, а все царственные деяния Алексея Михайловича должны нести в себе добро и правду: «Всех же православных христиан блюди и жалуй и попечение о них имей о них от всего сердца, за обидимых же стой царски и мужески, и не попускай и не давай обидети, и делай все по суду в правду, се бо, о Царю, приял еси от Бога скипетр правити хоругви великаго царства Российскаго, разсудити и управляти люди твоя в правду...» [3, с. 26].

После поучения царь и патриарх сходили с чертожного места. Патриарх совершал молебное пение и, благословив государя, вновь возводил его на царское место. Далее служилась литургия. Во время обедни Алексей Михайлович должен был стоять на своем царском месте. После херувимской песни и благословения народа патриарх возложил на государя «чепь злату, яже прислал греческий царь Константин Мономах...» [3, с. 30].

Во время литургии постельничий Иван Михайлович Оничков готовил перед царскими воротами место для помазания и причастия государя. Чин помазания и причастия завершали обряд коронации, и сама литургия, после которой и следовало совершать эти таинства [7, с. 31–39]. Б.А. Успенский разработавший концепцию царской власти, показал, что новопоставленный царь приобретает эту харизму через обряд миропомазания во время литургии. При этом русский обряд помазания царя повторял обряд, совершаемый при крещении, т.е. государю помазывали чело, уши, перси, плечи, длани рук с провозглашением формулы: «Печать и дар Святаго Духа». По мнению исследователя, данное возглагошение уподобляло царя Христу, которого «Бог духом Святым... помазал» (Деян. 10:38). Уподобление царя Христу во время миропомазания в России отличалось от византийской традиции, в которой монарх уподоблялся царям Израиля. Таинство ми-

ропомазания совершалось после венчания и было включено в литургическое действо. Оно совершалось после возгласа «Святая святых». После помазания совершалось причащение, которое было отличным от причащения мирян и близкое к причащению священнослужителей. Б.А. Успенский отмечал, что Алексей Михайлович причащался вслед за патриархом, но перед священниками. Причащался он у царских дверей, а не в алтаре и получал тело и кровь Христову вместе, а не отдельно. Следовательно, Алексей Михайлович причащался как мирянин, а не как священнослужитель. Но в то же время причащение Алексея Михайловича словно вклинивалось в причащение духовенства, поскольку, причащение государя, равно как и его помазание, происходило между причащением патриарха и причащением духовенства. Государь приобщался Св. Таин как помазанник, уподобившийся Христу. При этом царь именуется «святых» уже в формуле приглашения его к помазанию. Престол Небесного Царя или Небесный Царь и земной царь пространственно в храме располагались на одной линии. Однако в дальнейшем, начиная со второй половины XVII в., цари начинают причащаться в алтаре по чину священнослужителей и по примеру византийских императоров [5, с. 14–29; 6, с. 231–232].

Как отмечал профессор М.В. Зызыкин, русский государь во всех чинопоследованиях, которые предусматривает церемония коронации, поражает своим добровольным смирением перед высотой духовного чина. И с позиции Церкви смирение государя есть величие монарха, которое воплощается в его соотношении с патриархом. Московский государь имеет первенство в земных делах и право на земное величие, однако в Церковь он вступает как сын и не как властелин, как бы забывая об этом своем величии. Именно в этом и обнаруживается большая степень внутренней духовности, вложенной в положение царя в Москве, чем в Византии, где земное величие его власти не растворяется в церковном строе, а входит в него в своей полной неприкосновенности [2, с. 167].

Анализ чина венчания и его исполнения показывает, что обряд заметно распадается на три основные части, символизирующие основные этапы развития царской власти: коронацию, миропомазание и причащение. Коронация – есть образ праисторического происхождения. Коронационный чин с введением христианства был усвоен и освящен Христианской Церковью, превратившись в чин церковный, согласно которому царский венец стал получаться в церкви и от Церкви. Миропомазание – ветхозаветный символ. Согласно учению Православной Церкви

Миропомазание русских государей – есть высшая степень таинства Миропомазания, в которой сообщаются особенные высшие благодатные дары для несения царского служения. Причащение – главнейшее из христианских таинств. Причащение по царскому чину символизирует окончательное признание Церковью за православным государем особых прав в ее деятельности.

Таким образом, царская власть органически связана с Церковью. Посредством чина венчания царь приобретает не только благодать на управление государством, но и становится охранителем догматов Православной Церкви. Эта обязанность является одной из составляющей обязанностей государя как церковного чина, в который он вступает через рукоположение и Таинство Миропомазания.

Список литературы

1. Богданов А.П. Чины венчания российских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.: [Сб. ст.]. – М.: Наука, 1995. – 268, [3] с.
2. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. – [Репринт. воспр. изд. 1931–1938 гг.]. – Ч. 2. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1995. – 1082 с.
3. Леонид (Кавелин Л.А., архимандрит). Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. – СПб.: тип. Вошинского, 1882. – 39 с.
4. Савва В. Московские цари и византийские василевсы / В. Савва. – Харьков: Тип. М. Зильберберг и С-вья, 1901. – [4], IV, 400 с.
5. Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление) / Б.А. Успенский. – М.: Яз. рус. культуры: А. Кошелев, 1998. – 676 с.
6. Успенский Б.А. Этюды о русской истории / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2002. – 473, [1] с.
7. Чин и устав како помазали Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа России Самодержца, святым и великим миром на венчание царского венца // Леонид (Кавелин Л.А., архимандрит). Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея Михайловича. – СПб.: тип. Вошинского, 1882. – 39 с.

References

1. Bogdanov A.P. *Chinivenchaniarosseiskihcarei*[Medieval Moscow culture of XIV–XVII centuries]. Moscow, 1995. 268[3] p.
2. Zyzykin M.V. *PatriarhNikon*[Patriarch Nikon. His state and canonical ideas]. Moscow, 1995. 1082 p.
3. Leonid(Cavelin L.A.). *Chinpostavlenianacarstvo cara i velikogoknazaAlekseiaMikhailovicha*[Rite of placing the king and Grand Duke Alexei Mikhailovich on the kingdom]. St. Petersburg, 1882. 39 p.
4. Savva V. *Moskovskiecarei i vizanteiskie vasillevsi*[Moscow kings and Byzantine basileus]. Kharkov, 1901. [4], IV, 400 p.
5. Uspenskiy B.A. *Car i Patriarh*[King and Patriarch: charisma of power in Russia]. Moscow, 1998. 676 p.
6. Uspenskiy B.A. *Etudi o russkoiiistorei*[Sketches of Russian history]. St. Petersburg, 2002. 473, [1] p.
7. *Chin i ustavkako pomazali cara i velikogoknaza Alekseia Mikhailovicha* [Rite of placing the king and Grand Duke Alexei Mikhailovich on the kingdom]. St. Petersburg, 1882. 39 p.

Рецензенты:

Толочко А.П., д.и.н., профессор, зав. кафедрой дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск;

Сорокин Ю.А., д.и.н., профессор, кафедра дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск.

Работа поступила в редакцию 28.05.2014.